

Черты для характеристики русского простонародья

(Рассказы из народного русского быта Марка Вовчка. Издание К. Солдатенкова и Н. Щепкина. М. 1859)

Н. А. Добролюбов. Литературная критика

М., ГИХЛ, 1961

[OCR Бычков М. Н.](#)

В прошлом году некоторые обстоятельства, всего более досадные для нас самих, помешали нам подробно говорить о малороссийских рассказах Марка Вовчка, переведенных г. Тургеневым¹. Мы должны были ограничиться только небольшою выдержкою из статьи г. Костомарова, написанной им для "Современника" еще тогда, когда "Народні оповщання" только что появились в малороссийском подлиннике². Надеемся быть несколько счастливее теперь, при появлении новой книжки рассказов Марка Вовчка, еще более любопытных для нас, так как они взяты из жизни народа великорусского.

Мы вовсе не из землячества интересуемся изображением великорусского быта более, чем малороссийского. У нас есть на это другие причины, заключающиеся в тех мнениях, каким в последнее время подвергался великорусский крестьянин, преимущественно пред малорусским. Узкий патриотизм, все человеческие интересы подчиняющий землячеству, достаточно надоедает и в немцах какого-нибудь ландграфства Гессен-Гомбургского или княжества Лихтенштейнского; мы можем от него и освободить себя. У нас нет причин разъединения с малорусским народом; мы не понимаем, отчего же, если я из Нижегородской губернии, а другой из Харьковской, то между нами уже не может быть столько общего, как если бы он был из Псковской. Если сами малороссы не совсем доверяют нам, так этому виной [такие] исторические обстоятельства [, в которых участвовала административная часть русского общества,] а уж никак не народ. Да это, впрочем, понимает масса людей в самой Малороссии [: *москалями* зовут там солдат, так точно, как *панам* зовут помещиков...].

Сами рассказы Марка Вовчка служат доказательством того, что благоразумные малороссы умеют ценить народ русский, не делая резкой разницы между Малой и Великой Россией. Новая книжка "Народных рассказов" проникнута тем же характером и тенденциями, как и прежние "Народні оповщання". Великие силы, таящиеся в народе, и разные способы их проявления под влиянием крепостного права -- вот что видим мы в этих рассказах. Тон автора обрывисто певучий, характер рассказа грустный и задумчивый, второстепенные подробности, полные чистой и свежей поэзии в описаниях и беглых замечках, -- все это осталось таково же, как и в прежних рассказах. Только имена людей и мест, изображения природы, игры и песни вводят нас в великорусский быт, да еще отношения крестьян к крепостному праву имеют здесь свой особенный оттенок.

Эта-то особенность и занимает нас всего более. В малороссийских рассказах мы видели злоупотребления помещичьей власти и злоупотребления нередко довольно крутые. Это даже подало, говорят, повод одному известному русскому критику объявить произведения Марка Вовчка "*мерзостно-отвратительными картинками*" и, причисливши их к обличительной литературе, вследствие этого отвергнуть в авторе их всякий талант литературный³. Мы не читали статейки строгого критика, потому что давно уже перестали интересоваться его литературными приговорами; но тем не менее мы понимаем процесс, посредством которого он составил свое заключение. Он -- приверженец теории "искусства для искусства"; рассказы Марка Вовчка нашли себе хвалителей тоже в числе приверженцев этой теории. Можете себе представить, что именно нравилось в этих рассказах таким хвалителям. Мы сами слышали, как двое художественных ценителей восхищались необыкновенною прелестью и поэтичностью одного места, которое, кажется, так читается: "Геть, геть, далеко в поле крест над его могилою виднеется". Строгий критик, осудивший Марка Вовчка, оказался даже несколько благоразумнее подобных ценителей, понявши, что "геть, геть, далеко в поле" еще не есть чрезвычайная высота художественности. А что он ничего другого не в состоянии был понять в "Народных рассказах", так это опять совершенно естественно, и весьма странен был бы тот, кто стал бы ожидать от него такого понимания. Тогда он сделался бы отступником теории "искусства для искусства"; а может ли он отступить от нее? Без нее что бы он стал делать на свете, куда бы годился он? Без нее он должен был бы исчезнуть, как исчез Иван Александрович Чернокнижников, как исчезал Кузьма Петрович Прутков [на то время, когда у нас поднимались великие общественные вопросы].

Но дело не в приговорах художественного критика: бог с ним, -- ведь его никто не принимает серьезно, стало быть художественные потехи его остаются совершенно безвредными. Мы имеем в виду